

НОВОСТИ ЕАР

* В кисловодском санатории «Пикет» прошел очередной семейный семинар, организованный Пятигорским отделением Еврейского Агентства в России. Как всегда, программа немного отличалась от предыдущих. На сей раз дети узнали, как встречать Субботу, познакомились с Торой, еврейским календарем, пели израильские песни и танцевали. Взрослые прослушали краткую лекцию по истории еврейства, провели дискуссию по Бейт Мидрашу. Современному Израилю была посвящена оставшаяся часть семинара, где прозвучали доклады по темам: «Жизнь в Израиле», «Программы абсорбции: первый дом на родине», «Служба в Армии обороны Израиля», «Национальное страхование», «Израиль сегодня».

Дети и взрослые совместно прослушали сообщения по темам: «Обучение в Израиле: НААЛЕ, СЭЛА, АЛЕ», «У карты Израиля», «Круг еврейских праздников».

Семинар организовали и провели Рут и Миха Рудашевски, Татьяна Якубовская, Ада и Владимир Домунян.

Продолжение следует.

• Более 250 детей возраст от 12 до 20 лет отдохнули в детском лагере «Дубрава» возле Новополигорского озера (в три потока по семь дней каждый). На занятиях, где рассказывалось о жизни и истории Израиля, было интересно. Вместе встречали Шаббат. В свободное время гуляли, играли, а ребятам из последнего потока удалось поплавать в бассейне.

Директор лагеря Миха Рудашевски, старший мадрих Альберт Соломонов, мадрихи Мориа и Давид сделали все, чтобы детям отдых запомнился. Свои теплые впечатления они повесят домой: в Невинномысск, Майкоп, Моздок, Минеральные Воды, Железноводск, Ессентуки, Благодарный, Кисловодск, Ставрополь, Владикавказ, Пятигорск, Нальчик.

На фото: Зажигаем субботние свечи...

МЫ ВСЕ ВЫШЛИ ИЗ БОТВИННИКА

Это было в 1957 году, во время второго матча за мировую шахматную корону с Василием Смысловым. Главный демонстратор партии приболел, и кто-то вместо него переключился на мастера. Так я стал на сцене одним из трех свидетелей той исторической 17-й партии, в которой Ботвинник неожиданно задушил Слослоу. Меня тогда потрясло, что он, не дрогнув, встал, пожал сопернику руку и ушел. Ни слова, ни жеста отчаяния, никаких внешних эмоций! Хотя очевидно было, что такой прокол будет стоить ему (как и случилась) звания чемпиона мира... Наверное, именно тогда я и проинтервьюировал к этому человеку, начал понимать, какая это глыба, и осознавать, что не случайно друзья и даже недруги уважительно называют его Патриархом.

Как оказалось, когда человек в чем-то велик, о нем еще при жизни ходит немало легенд. «Знаюки» совершенно серьезно утверждали, что сам всемирный чемпион лично курировал все поездки Ботвинника за рубеж – и вообще, мол, именно благодаря вождю ему были созданы все условия для побед. Уже много позже, когда мы часто общались с Михаилом Моисеевичем, я спросил его об этом. Он с присущей ему прямотой ответил: «Сталина видел лишь однажды. Но не знаю, видел ли он меня... А вот из руководителей страны Молотов я знал, Орджоникидзе, Жданова, Суслова».

А правда, – набрался я нахальства, – что вы отбрасывали от звания чемпиона мира, когда вам не давали данчый участок на Никольной горе?

Патриарх спокойно ответил: «Я действительно сказал Суслову, что раз чемпионом мира не создадут никаких бытовых условий, пусть чемпионом будет другой наш шахматист – Смыслов или Керес. Секретарь ЦК меня осудил; мол, поступаете «не по советски», но я настаивал на своем и победил...»

Он был жестоким, порой прямолинейным, но никогда не лгал, так что я, например, поверил ему сразу. И понял, что только благодаря своему разуму, помноженному на колоссальный и блестящий организаторский по собственному труду, благодаря твердости своего характера этот еврейский мальчик не только сумел выжить в сложнейшее для страны время, но и по праву стал одним из главных ее символов и героев.

Тут я, кажется, впервые понял, как важно Михаилу Моисеевичу было доказать именно себе – на это способно лишь действительно выдающееся личностное И не случайно он никогда, как теперь говорят, «не тусовался» (только драгоценное время терять!), а уж если общался, то дружил – и навсегда – с людьми глубокими, корифеями своего дела. К примеру, с композитором Сергеем Прокофьевым, поэтом Николаем Асеевым, балериной Галиной Улановой...

Семь лет назад мне выпала горькая доля сообщить Галине Сергеев-

тив знаменитого чемпиона мира Капабланки победил его...
- Писали, что он вас очень хвалил...
- Насчет хвалил – не знаю, не слышал, но выражение его лица хорошо помню – оно было не из приятных: великий Капа просто смеялся фигуры... Впрочем, спустя годы мы подружился...
- Извините, вы когда-нибудь нарушали законы?
- Было однажды. В 1926 году, когда мы возвращались с матча Стокгольм – Ленинград на пароходе, мой сосед по каюте Александр Федорович Ильин-Женевский, старый большевик, обмотал себя и меня, юного, дамскими чулками! Их нельзя было провозить, но он очень любил свою жену, и я рад был помочь старшему другу...
- Это правда, что будучи в 1964 году в Израиле вы так отвечали на вопросы журналистов, что одному из руководителей делегации стало плохо?
- Не знаю, хорошо ему было или плохо, но я привык говорить то, что думаю. Там меня спросили о положении евреев в Советском Союзе. Я ответил так: «В творческой области для них нет ограничений. Но административные и общественные посты они занимают редко. Однако и у вас арабы, например, не может быть мэром Тель-Авива! Еще спросили: «Кем вы себя считаете?» Ответил: «Евреем – по крови, русским – по культуре, советским – по воспитанию...»
- Даже эти короткие записки во многом характерны для Патриарха. Он был далеко не ангелом, но, несомненно, был очень честным человеком своего непростого времени. И всегда твердым, уверенным в себе.
- И, конечно, мог без труда рассказать о шахматных достижениях Патриарха. О том, сколько больших турниров он выиграл, напомнить о его лучших партиях, о том, как он с 1948 по 1963 год (с двумя перерывами по году) был чемпионом мира, о его великом вкладе в дебюты, середину игры, эндшпиль.
И конечно, о его знаменитой системе подготовки к турнирам, благодаря которой советская шахматная школа стала такой, что держится и поныне, несмотря на известные трудности последних лет. Можно еще раз напомнить, что он был не просто профессором, доктором технических наук, но и действительно крупным специалистом в своей области, и его труды изучаются поныне в технических вузах. И если сейчас компьютерные шахматы обрели колоссальную силу и популярность, то в этом тоже солидный вклад Ботвинника, едва ли не первым начавшим разрабатывать шахматный алгоритм. Хотя он упорно верил в человеческий разум и считал, что ряд шахматных проблем компьютер решить так и не сможет – только человек!..

А вот что сказал о Ботвиннике великий шахматный кудесник Михаил Таль: «Мы все, нравятся это кому-то или нет, вышли из Ботвинника...»

Евгений БЕБУЧУК,
ректор Академии шахматного творчества.
(«Парламентская газета», 15.08.2002)

ДЕМОГРАФИЯ

Евреев считать всегда было сложно, но попытки такие не прекращались. Недавно в «Дже-рузагем рипорт» были опубликованы данные, где и сколько проживает людей еврейской национальности. Интересно сопоставить их со сведениями из советских еще источников конца 80-х – они приведены в скобках. (В тысячах человек.)

США – 5500 (5921); Израиль – 4800 (4500); Франция – 600 (650); Россия – 600; Украина – 448; Канада – 360 (296); Великобритания – 300 (354); Аргентина – 250 (300); ЮАР – 114 (120); Австралия – 100 (67); Бразилия – 100 (150); Венгрия – 80 (80); Германия – 50 (30); Узбекистан – 45; Молдова – 40; Мексика – 40 (37,5); Бельгия – 35 (41); Беларусь – 34; Италия – 31 (41); Уругвай – 30 (50); Голландия – 30 (30); Иран – 25 (62); Азербайджан – 25; Турция – 20 (24); Швейцария – 19 (18); Венесуэла – 18 (15); Чили – 17 (30); Швеция – 16 (17); Казахстан – 15; Румыния – 15 (32); Испания – 15 (13); Латвия – 15; Грузия – 13; Австрия – 8 (13); Колумбия – 8 (12); Марокко – 7,5 (3); Дания – 7 (7,5); Литва – 6,5; Словакия – 6; Чехия – 6; Чехословакия – 15; Индия – 6 (8); Польша – 5 (12); Таджикистан – 5; Новая Зеландия – 5 (5); Перу – 5 (5); Греция – 5 (6); Панама – 4,5 (2); Киргизстан – 4,5; Болгария – 4 (6); Эстония – 3; Эфиопия – 3 (30); Сербия и Черногория – 2,5; Хорватия – 2; Босния – 0,4; Югославия – 5,5; Коста-Рика – 2,5 (2,5); Тунис – 2,5 (50); Гонконг – 2 (0,25); Туркменистан – 2; Пуэрто-Рико – 2 (2); Ирландия – 1,8 (2); Финляндия – 1,3 (1); Эквадор – 1 (1); Япония – 1 (0,5); Норвегия – 1 (0,9); Зимбабве – 0,975 (10); Парагвай – 0,9 (1); Йемен – 0,8 (0,5); Гватемала – 0,8 (2); Боливия – 0,7 (0,75); Гибралтар – 0,6 (0,5); Люксембург – 0,6 (1); Монако – 0,5 (-); Кения – 0,45 (1); Куба – 0,4 (1,5); Вирджинские острова – 0,4 (0,5); Кюрасао – 0,35 (0,6); Заир – 0,32 (2); Сирия – 0,3 (4,5); Армения – 0,3; Португалия – 0,3 (0,6); Ямайка – 0,3 (0,35); Сингапур – 0,3 (0,45); Таиланд – 0,2 (-); Багамы – 0,2 (-); Ирак – 0,2 (0,45); Доминиканская Республика – 0,15 (0,2); Суринам – 0,15 (-); Гондурас – 0,12 (0,2); Сальвадор – 0,12 (0,35).

Кроме того, по старым данным: Мальта – 0,05; Албания – 0,3; Ливан – 0,4; Афганистан – 0,2; Бирма – 0,05; Индонезия – 0,1; Филиппины – 0,2; Египет – 10; Ливия – 5; Алжир – 4; Сеута – 5; Замбия – 1; Никарагуа – 0,2; Гаити – 0,15; Тринидад и Тобаго – 0,3; Гавайи – 1.

Данные приблизительные и тем не менее они рознятся довольно значительно, что нельзя объяснить только миграцией – скорее всего, присутствуют ошибки в подсчетах.

А вот города в диаспоре с наибольшим еврейским населением (в тыс. чел.): Нью-Йорк – 1450; Лос-Анджелес – 490; Париж – 350; Филадельфия – 254; Чикаго – 248; Бостон – 208; Лондон – 200; Москва – 200; Буэнос-Айрес – 200; Майами – 189; Торонто – 175; Вашингтон – 165; Форт-Лодердейл – 140; Сан-Франциско – 128; Киев – 110; Санкт-Петербург – 100; Монреаль – 100.

ОТ ЮРИЯ ЛЕВИТАНА

Я это или нет?

Случилось это в 1952 году, еще при Сталине. Хотя он и был отъявленный антисемит, но голос мой по радио ему импонировал. Говорят, еще до войны он сказал на Политбюро: «Я думаю, что все важные события должны гаварить по радио товарищ Левитан». Я читал в Отечественную войну все сообщения Совинформбюро и в «Последию часу» перечислял, когда и из скольких орудий будет салют. Радио начинало говорить в шесть утра. Когда было важное правительственное сообщение, мне с вечера звонили в мою коммунальную квартиру и сообщали, что в полпятого утра за мной заедет машина. Если трубку брал мой сосед, он кричал мне: «Борисыч, тебя с радием. Пойдешь ротом деньги зарабатывать?»

И вот звонят мне с вечера – завтра читать что-то важное. А выступали тогда только в прямом эфире, записей еще не существовало, да и документ для чтения давали в последний момент.

А часов в двенадцать – у меня сердечный приступ. Вызвали «скорую». Врач: «Немедленно в больницу». Я говорю: «Да вы что? Мне правительственное сообщение в шесть утра читать». Врач: «Какие там шесть утра. Дай вам Бог вообще оклематься». Я потерял сознание.

Этот человек хорошо известен дербентам. Может, его имя незнакомо молодому поколению, ведь каждое время выдвигает своих героев. Но для поколения шестидесятых он был символом целой эпохи.

Семен Азарьевич Ильдатов – живая легенда своего времени. И сегодня, хотя уже восемнадцать лет его нет в живых, в памяти людей остался его творения, его кипучая энергия.

Каким был Дербент в тридцатые и сороковые, во времена наших бабушек и дедушек, отцов и матерей? Сугубо «аграрный» город. Вокруг небольшого поселения находились колхозные сады и виноградники. Жители вставали с первыми лучами солнца. Вскинув на плечи котомки с нехитрой снедью, уходили к земле, где сажали пшеницу, обрабатывали виноградники, и возвращались домой, когда над горными уже похляпал закат. Для тогдашнего поколения молодых дербентцев не было никакой перспективы. Те, кто уезжали из родного города, чтобы поступить в вузы, после получения диплома не возвращались назад, так как негде было применить свои знания.

Семен Ильдатов дал городу новую жизнь. Одно за другим под его руководством стали воздвигаться промышленные предприятия, давшие городу второе дыхание. Юноши и девушки с энтузиазмом работали на новостройках, избыток рабочих рук нашел применение на созданных заводах и фабриках. Сотни молодых людей, получивших образование в разных уголках России, стали возвращаться в родной Дербент, основывая здесь кусты интеллигенции. Вокруг предприятий как грибы после дождя стали расти корпуса жилых домов. Новый Дербент по размерам намного превзошел старый, теснящийся в двух-трех улицах. Город стал аграрно-индустриальным центром.

Это и есть вклад Семена Азарьевича Ильдатов в историю развития Дербента.

ВОЙНА

22 июня 1941 года... В этот день молодой парень Сема Ильдатов, как и десятки других выпускников

школы Дербента, встречал рассвет на берегу Каспия. Впереди была юность – прекрасная пора, мечты, которые не терпелось превратить в жизнь.

Но война опрокинула все планы. Вскоре Семен стоит в толпе юношей и девушек, собравшихся в переулке у городского военкомата, чтобы записаться добровольцем на фронт. Но ему отказали – еще нет семнадцати. Тогда он поступил на работу.

Война опрокинула все планы. Вскоре Семен стоит в толпе юношей и девушек, собравшихся в переулке у городского военкомата, чтобы записаться добровольцем на фронт. Но ему отказали – еще нет семнадцати. Тогда он поступил на работу.

Война опрокинула все планы. Вскоре Семен стоит в толпе юношей и девушек, собравшихся в переулке у городского военкомата, чтобы записаться добровольцем на фронт. Но ему отказали – еще нет семнадцати. Тогда он поступил на работу.

ЕВРЕЙСКИЕ ШТУЧКИ

ки знали, что и они тоже будут ходить в виноватых. По телефону вызвали всех работников. Вопрос один – что делать?

И тут кто-то вспомнил, что на одном актерском сборище шутящий еврей, недавний выпускник ГИТИСа, делал пародии на Бориса Андреева, Василия Меркурьева и других, в том числе на меня. Один в один. Но ни имени его, ни где живет – никто не знает. Есть только описание внешности. Тотчас разбудили директора ГИТИСа. Он уже будил, кого ему надо. Вычислили.

В общем, часа в четыре домой к молодому актеру явились два чекиста, разбудили – парень, конечно, страшно перепугался – его в машину и на радио. Дали текст, заперли на ключ в дикторской, чтобы он текст освоил. Минут через сорок он попросил послушать, как он читает. Повели в студию, и он через микрофон прочитал все постановление.

Слушавшие минуту молчали, потом зааплодировали. У женщин выступили слезы. Сас всех.

Это был в дальнейшем известный артист эстрады, непревзойденный мастер пародий Геннадий Дудник. Позднее мы с моим дублером познакомились, и я подарил ему золотую печатку с надписью: «За спасение диктора».

СИМВОЛ ЭПОХИ

Первая строка в трудовой книжке: «2 сентября 1941 года. Завод «Красный металлист» НКО, слесарь».

9 мая 1942-го Семен Ильдатов, несмотря на бронь, ушел на фронт. Закончил училище ускоренной военной подготовки. Первые бои провела в Моздоке, где во многом решалась битва за Кавказ.

Военные дороги привели его в Польшу. Здесь весной 1944-го он поспорил на mine. Трудное выздоровление в госпитале, и рана оставит свой отпечаток: статный молодой человек будет всю жизнь припадать на одну ногу.

По окончании войны С. А. Ильдатов назначили военным командантом города Умань на Украине. Демобилизовался в декабре 1945 года.

Только о прошедшей войне знает, каким боевым человеком надо быть, чтобы начать работу, а закончить службу майором.

За мужество и отвагу, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, Семен Азарьевич награжден семью боевыми медалями.

Незадолго до окончания войны, в апреле, он вступил в ряды Коммунистической партии, с которой будет связана теперь вся его жизнь.

РАБОТА

«Профессия – политработник», – записано в трудовой книжке. Запись короткая, а за ней стоят кровью и пот, тяготы и лишения, труд и огромная ответственность. Сейчас, конечно, легко рассуждать об «обманутом поколении», о тех, кто свято верил в социалистические идеалы и светлое будущее. Однако коммунистическая партия в основном состояла именно из людей «идейных», закаленных трудностями, не верящих в лучшую жизнь для своих детей.

«1946 год – инструктор промышленного отдела райкома ВКП(б)». «Декабрь 1947 года – первый секретарь Дербентского райкома ВЛКСМ». «1949 год – второй секретарь Дербентского райкома КПСС». До 1953 года Семен Ильдатов работал в партийных органах, и работал успешно именно потому, что верил в то, что делает.

(Однако его искренние коммунистические воззрения не заставили быть «защоренным», слепо повиновавшимся доктринам человека. Когда в 1967 году, после Шестидневной войны и разрыва СССР дипломатических отношений с Израилем, Дагестан простым туристом посетил Илья Ильдатов, он жил в доме Ильдатовых, где наш гостеприимный кров...)

Потом его назначили директором Дербентского городского торгового (на этой должности он проработал до 1958 года). Старожилы помнят, каким молодым тогда было Дербент. На улицах продавали из больших металлических фляг топольное масло. Муки, крупы и крупяные изделия можно было приобрести сколько хотелось. Сливочное масло, не найдя спроса, таяло на прилавках. Никаких очередей за мясом. Бесперебойное снабжение молочными продуктами. Такой организации работы не было ни до, ни после Ильдатовых...

Год проработал директором конвейерного завода «Радиозащита». Он возводил новые корпуса цехов, не имея специального инженерного образования, хорошо разбирались в технических проблемах.

Еще через год его направили строить корпус шифровального завода. Стены еще не возвели, а он уже, по практике военных лет, завозил технику. Мало того, летал по Союзу за техническими кадрами, делал своих детича. Приглашал в Дербент самых талантливых специалистов. И все, что обещал им при трудоустройстве, выполнял: всех обеспечил квартирами, создал необходимые условия.

Семен Азарьевич почти никогда не ошибался в людях. Ему достаточно было один раз поговорить с человеком, чтобы определить, что он собой представляет. Мнение его было категоричным. Основным критерием оценки считал их отношение к труду – «сквозь призму подвиги видения он составлял мнение о людях, умел убеждать, делал их своими союзниками. Уважал тружеников, и они платили ему той же монетой и были готовы ради него работать днем и ночью».

Ильдатов не давал себе покоя, пока не завершал задуманное. Потом появлялась новая задача... Он совсем не умел отдыхать, хотя требовала внимания рана, полученная на фронте. Получив путевку в санаторий, не мог выдержать там более двух дней. Работа была для него частью жизни – сегодня таких называют трудолюбивыми.

...Когда он пришел на пивзавод, это был «долгострой». Через шесть месяцев после назначения нового директора завод начал выдавать пиво, равного которому не было в Дагестане! Продукцию выработали столько, что обеспечивали весь юг республики. Талантливый организатор, энергичный и инициативный руководитель, Ильдатов умел в кратчайшие сроки выныкнуть в суть вопроса и своим умом и трудом вытянуть весь узел проблем.

СЕМЬЯ

Семья Ильдатовых родом из Маджалиса. Семен Азарьевич очень гордился отцом, матерью, бабушкой, дедушкой. Это были труженики, истинные горцы, придерживавшиеся вековых адатов и патриархального бытия. Бабушка, старая, но все еще крепкая статная женщина, хорошо сидела в седле. Отец в межвоенные работал на рыбных промыслах.

Замечательным человеком была его мать Хумор Асафова, чья родословная восходит к изве-

стным семьям Дадашевых и Ханукаевых», рассказывает Сара Абрамовна Бабаева, тетя Семена, родная сестра его отца. – В пятнадцатый год родила сына. А ведь закончила гимназию, что по тем временам считалось верхом образованности. Помогала внукам писать работы по философии, научному коммунизму. Хумор Асафова работала начальником отдела кадров консервного завода. Но как только руководителем завода стал сын, в первый же день заставил мать уволиться: считал недопустимым держать под своим крылом близкого родственника. Но мама оставалась его помощником и советчиком. Когда при «запарке» на производстве возникала необходимость сверхурочного труда, Хумор Асафова готовила вкусный обед, привозила его на завод и кормила всех работников... Семен Азарьевич относился к своим родственникам как к любящим и уважаемым. Поддерживал всех, кто обращался к нему за помощью. Самозабвенно любил детей. Тяжелым ударом стала смерть сыновей Аркадия и Эдика. Вся свою отцовскую любовь перенес на дочерей. В моей памяти он остался прекрасным сыном, любящим отцом, замечательным племянником...

Обе дочери закончили факультет иностранных языков Дагестанского государственного университета: старшая, Жаннетта, – английский отделение, Лариса – французское. Жаннетта после московской аспирантуры стала кандидатом наук по специальности «Американская литература», сейчас преподает английский в Дербенте.

Лариса двадцать лет заведовала кабинетом иностранных языков в Кисловодском медицинском, преподавала французский и латынь, в настоящее время – директор «Хесед Бенцион» в Пятигорске.

У Семена Азарьевича два внука. Игорь закончил юридический институт, Аркадий учится в нью-йоркском колледже.

ДРУЗЬЯ

Виктор Львович Гройсберг, заведующий хирургическим отделением железнодорожной больницы г. Дербента.

Я познакомился с Семеном Азарьевичем в 1952 году, он был тогда

да секретарем райкома партии, а я пришел к нему на прием по какому-то вопросу. С тех пор начались наши отношения. Семен был для меня не товарищем, другом – он был для меня братом. Однажды мне предложили кафедру в Ростовском медицинском институте, но Семен сказал: «Останься». – и я остался в Дербенте. Какой он обладал щедростью, широтой души!

Именно поэтому, из-за его духовных качеств, у него была много друзей, ради которых он мог совершить горы...

До сих пор вспоминаю его те люди, с которыми он работал – они тоже становились его друзьями. Азиз Гильядов, Камил Гаджиев, Роберт Нахушнов, Константин Тимуриди... Он заражал других своей энергией, своим фанатизмом в работе. Ради общего дела мог «пробить» любые инстанции вплоть до «самых-самых» – Госплана, Минфина...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Личность в любом смысле остается личностью. Этот постулат лишь подтверждается при знакомстве с жизнью Ильдатовых. Он очень много сделал для Дербента, а значит, и для всех тех, кто в нем жил и живет.

И пока жив древний город, жива и память о Семене Азарьевиче.

Мирьян МАТАТОВА.

На фото: С. Ильдатов с супругой Александрой Прокофьевой.

СЛОВАРИК

БЯЛИК Хаим Нахман (1873, Рады, Украина – 1934, Вена, Австрия) – величайший еврейский поэт, писатель, эссеист и переводчик, писавший на иврите, основоположник современной израильской литературы. С детства увлеченный средневековой теологией и философией Гаскалы, он стремился к светским знаниям, пытаясь сочетать преданность традиции с идеями еврейского духовного обновления. Создал цикл выдающихся поэтических произведений, среди них такие, как «Резня в городе», «На бойне», «Сказание о погроме», навеянные кишиневским погромом 1903. Сумел создать новый поэтический стиль, отойдя от высокопарного библейского слога и вместе с *Менделе Мойхер Сфоримом* проложил дорогу к современному литературному ивриту. В 1921 покинул Россию и уехал сначала в Берлин, а затем в Палестину. Именем Бялика названа израильская литературная премия.

БАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ. В 586 г. до н.э. вавилонский царь Навуходоносор завоевал Иудейское царство и взял после долгой осады его столицу *Иерусалим*. По приказанию завоевателя большая часть населения страны и почти все городские жители во главе с царем Иудеи Иехояхином были насильственно переселены в Вавилон и оставались там на положении почетных пленников до гибели Вавилонского царства под ударами персидской державы Ахеменидов. Персидский царь Кир в 538 г. до н.э. издал указ, разрешающий евреям вернуться в Иерусалим и отстроить разрушенный Храм. Вавилонское пленение – переломный период в жизни еврейского народа, навсегда оставшийся в народной памяти как величайшее бедствие и символ постоянного стремления к возвращению домой в *Сион*.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЕВРЕИ

Мейер Амшель РОТШИЛЬД (1743 – 1812)

Основатель банковского дома Ротшильдов

Мейер Амшель Ротшильд родился 23 февраля 1743 г. во Франкфурте-на-Майне (Германия).

Ротшильд – это прозвище, буквально означающее «красная вывеска», происшедшая от того, что на доме, где жили деды и прадеды банкиров, действительно была таковая.

Сыном Амшеля-Моисея Ротшильда и был основатель знаменитого банковского дома Мейер Амшель, который родился в доме № 152.

В детстве Мейер вместе с отцом занимался куплей-продажей старинных монет и медалей в маленькой лавочке отца. В двенадцать лет он остался круглым сиротой и поступил под опеку родственников. Родственники решили сделать из него раввина и отправили в город Фюрт, где была в то время знаменитая синагога. В Фюрте Мейер начал заниматься богословием и изучать Талмуд. Однако его тянуло к ре-

альному жизненному делу. Он самовольно вернулся во Франкфурт, поселился в своем доме и занялся куплей-продажей в мясной лавке отца.

Приобретя определенный коммерческий опыт, Мейер Ротшильд переехал в Ганновер и стал служить в банковской конторе Оппенгейма. Там Ротшильд прослужил несколько лет и стал компаньоном хозяина фирмы.

В 1776 г. он оставил Ганновер, возвратился во Франкфурт и открыл собственную банковскую контору.

Во время работы у Оппенгейма Ротшильд познакомился в 1764 г. с генерал-лейтенантом бароном Эсторфом, страстным коллекционером старинных монет и близким другом наследника ландграфа гессен-кассельского. В 1769 г. Эсторф рекомендовал его Вильгельму, наследнику ландграфа гессен-кассельского Фридриха II, в качестве официального торгового агента двора ландграфа.

Сам Фридрих II, был одним из богатейших людей того времени. Он вел обширную торговлю, в том числе и солдатами-наемниками, с Англией.

В 1785 г. ландграф Фридрих II умер, оставив своему наследнику Вильгельму IX 56 миллионов талеров.

При ландграфе Вильгельме IX Мейер Ротшильд сосредоточил в своих руках значительную массу британских обязательств, уплаченных ландграфу. Ротшильд не только получал солидный банковский процент, но и скупал на вырученные в Англии деньги британские ткани, кофе, табак, чай, вина и сбывал их в Германии.

В 1801 г. капитал Мейера Амшеля Ротшильда оценивался в миллион гульденов. К этому времени он был финансовым агентом не только гессен-кассельского ландграфа, но и императорского двора в Вене. Миллионы ландграфов, которые в большой мере контролировались Ротшильдом, он стал использовать для займов (под проценты) другим государствам. Серия займов началась в 1804 г. – тогда Ротшильд одолжил датскому правительству четыре миллиона талеров. К 1812 г. долг датского правительства, после новых займов у Ротшильда, возрос до 12 миллионов талеров.

В 1806 г., при вторжении французов, ландграфу Вильгельму IX пришлось бежать за границу. Все свое огромное денежное состояние (десяти миллионов гульденов) он оставил на хранение у Ротшильда. Пустив в оборот капиталы ландграфа, Ротшильд

осуществлял государственные займы в небывалых до того размерах. Впоследствии наследники Ротшильда возвратили капитал ландграфу его наследникам.

Мейер Ротшильд безвыездно жил во Франкфурте-на-Майне, имея своих представителей во всех важнейших городах Европы. Своими миллионами он пользовался в личной жизни более чем умеренно, жил замкнуто и проводил большую часть свободного времени в семье, среди своих сыновей и внуков. Пользуясь своим влиянием, Ротшильд выхлопотал для евреев Франкфурта равные права с христианами.

Мейер Амшель Ротшильд умер 19 сентября 1812 г. во Франкфурте-на-Майне. Он ушел из жизни как один из богатейших и влиятельнейших людей Европы и мира. Ротшильда называли «королем кредиторов и кредитором королей».

Пять сыновей Мейера Амшеля обосновались после смерти отца в разных европейских городах: Натан – в Лондоне, Джеймс – в Париже, Соломон – в Вене, Карл – в Неаполе, Ансельм – во Франкфурте. Их совокупный капитал оценивался тогда в 150 – 200 миллионов золотых франков, что вдвое превышало активы Французского банка.

ВСЕ ЕВРЕИ
ОТВЕТСТВЕННЫ
ДРУГ ЗА ДРУГА

הסד בנציון
HESED BENCION

Пятигорск, ул. Московская 88, корп. 2, тел. /факс (87933) 2-35-00, 2-33-89
E-mail: hesed@kmv.ru

КАЛЕНДАРЬ

В преддверии
РОШ-А-ШАНА
«Хесед Бенцион»
выпустил
настольный
календарь,
предназначенный
в первую
очередь
для подопечных.

ЕВРЕЙСКИЙ АНЕКДОТ

- Мойша, почему ты такой расстроенный?
- Вчера от меня ушла жена.
- Какое горе...
- Конечно, горе. Да еще какое!
Вчера ушла, а сегодня вернулась.

- Хаим, ты знаешь, кто такой Карл Маркс?
- Нет.
- Вот пошел бы со мной в вечерний университет марксизма-ленинизма, так узнал бы.
- А ты знаешь, кто такой Рабинович?
- Нет.
- А Рабинович ходит к твоей жене, пока ты в своем университете сидишь.

Пришел Абрам с работы усталый, лег спать. Через час Сара будит его.

- Отстань, спать хочу.
- Абраша, обними меня!
- Отстань!
- Да проснись же ты! Я мужчину хочу!
- А который сейчас час?
- Три часа ночи.
- Где же я тебе в три часа ночи в Одессе мужчину найду?

Рано утром Сара кричит на весь двор соседкам:
- Роза! Мой Абрам у тебя был?
- С чего это вдруг он у меня был?

- Фира! Абрам у тебя?
- Очень нужен мне твой Абрам!
- Эмма! Абраша у тебя?
- Почему у меня?
- Да он сказал, что пойдет по шлюхам на всю ночь!
- Ты хочешь сказать, что мы все шлюхи? Большое спасибо!
- Ой-ой! Что, уже спросить нельзя?

Наум, сидя в гостях у Мойши, замечает, что женщина, накрывающая им на стол, очень некрасива.
- Мойша, это и есть твоя хваленая горничная?
- Скажите, пожалуйста, он так и держит меня за идиота. Стал бы я брать горничные такую уродину. Это моя жена.

Кац говорит жене:
- Знаешь, дорогая, если один из нас умрет раньше, я перееду в другой город.

решил дать деньги тому человеку, который утратил всякую надежду. Мне кажется, что ты именно такой человек...

- Уходи отсюда! Убейся вместе со своими деньгами! – закричал нищий на странного жертвователя. – Только сумасшедший

После этой встречи богат отказался от идеи найти человека, утратившего надежду. «Должно быть, – сказал он себе, – я сам и есть тот человек, у которого не осталось никакой надежды. Быть может, нищий на куче мусора был прав...» Богач пошел на кладби-

Он копал наугад в нескольких местах и почти уже отчаялся, как вдруг узнал свой тайник. Но в этот миг его схватил кладбищенский сторож и отвел к начальнику местной полиции.

- Вот человек, который копал землю на кладбище. Нет сомне-

ним. Наконец, успокоившись, он спросил нищего:

- Ты узнаешь меня?
- Откуда мне знать, ваше превосходительство? – ответил бедняга, который не знал, что ему и думать. Сначала ему смеются в лицо, потом спрашивают, не знает ли он начальника полиции...

- Я тот самый нищий, который посоветовал тебе искать лишившихся надежды людей на кладбище. Ты помнишь, я процитировал тебе строку из Теилим: «Поднимающий из праха бедняка, из сора возвышающий нищего, чтобы посадить со знатными...»? И это то, что со мной случилось, в чем ты можешь сам убедиться. Я знаю, что ты честный человек, хотя и посещали твою голову странные мысли. Более того, я уверен, что сейчас ты поумнел...

Произнес эти слова, начальник полиции освободил «грабителя могил» из-под стражи и разрешил ему выкопать деньги, спрятанные на кладбище. Он предложил ему обосноваться в городе и обещал помочь.

Бедняк-богач поблагодарил его от всего сердца, но от помощи отказался, ибо он верит, что ему поможет Б-г.

- Это я и хотел услышать от тебя, – сказал начальник полиции, и лицо его осветила улыбка.

НЕСЧАСТНОГО БОГАЧА

может потерять надежду! Я нищий, но не идиот. Я верю в Б-га. Ты, должно быть, забыл мудрые слова царя Давида: «Поднимающий из праха бедняка, из сора возвышающий нищего, чтобы посадить со знатными...» Нет ничего невозможного для Г-спода, и я не продам свою веру за несчастные монеты...

Богач от обиды и отчаяния потерял дар речи. Наконец, немного придя в себя, он набросился с упреками на нищего, сидящего на куче мусора:

- Я тебя пожалел и хотел дать денег, а ты рассердился и так со мной говоришь...

- Не меня ты пожалел, а себя, – ответил тот. – Верно, я потерял в этом мире все свое состояние, но со мной осталось самое большое богатство – моя вера в Б-га. Если ты ищешь людей, которые лишлись надежды, отправляйся на кладбище, там ты их найдешь...

ще, закопал там все деньги, которые были у него при себе, и вернулся домой.

Прошли годы, а несчастный богач все еще не придумал, что делать со своими деньгами. День ото дня он становился все несчастнее, ибо дела его шли все хуже и хуже, и богатство его таяло. Вскоре денег у него не осталось совсем, наконец, он стал ходить от порога к порогу с протянутой рукой. Только тогда он вспомнил, что однажды закопал немало денег на кладбище большого города, в котором он встретил нищего, любившего говорить аллегориями.

Он отправился в тот город. В этот раз он шел медленно, как и подобает нищему, одетому в лохмотья, в изодранной обуви, похматый, с истощенным бледным лицом. Он пришел на кладбище, но не мог вспомнить, где закопаны его деньги

ния, что это один из грабителей, которые даже мертвых не оставляют в покое, – сказал сторож начальнику полиции.

Начальнику полиции удивился, что это очень тяжкое преступление, и спросил нищего, бывшего богача, что он может сказать в свое оправдание.

Нищий сказал, что он, Б-же упаси, и не думал грабить могилы. Но вот такое дело – он пришел сюда искать клад, который он сам закопал на этом кладбище много лет назад по совету одного нищего, который сказал, что людей, лишившихся надежды, можно найти лишь на кладбище. И вот он тогда закопал свои деньги, а сейчас, когда судьба повернулась к нему спиной, пришел сюда, чтобы найти их.

Услышав это, начальник полиции стал громко смеяться. Он никак не мог остановиться, и все его помощники смеялись вместе с

ФИЛИАЛЫ
«ХЕСЕД БЕНЦИОН»:

ЕССЕНТУКИ

Здесь 95 подопечных, так что работы хватает. Почти по всем программам она отлажена: 76 человек – в программе «Питание», пятеро пользуются реабилитационным и медицинским оборудованием, за тремя осуществляется патронажное наблюдение («Уход на дому»), работают «Аптека» и «SOS». Активен «Женский клуб», много людей приходит на встречу Субботы.

Стоит одна, но насущная проблема: собираемся в кафе, а жизненно необходимо свое стационарное помещение.

На Хануку в Ессентуки приезжали гости.

Куратор отделения «Хесед Бенцион» в Ессентуках Омар Даварашвили: «Я на этот вопрос смотрю иначе...»

Еврейские праздники отмечаем вместе.

Леон КЛИГЕРМАН

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

После ранения (пуля прошла сквозь грудь на два пальца выше сердца) и госпиталей весной 1943 года я оказался в Цугульском Дациане (Читинская область), где формировались маршевые батальоны для отправки на фронт. Врачебная комиссия отбор проводила индивидуально. В первую очередь посылались уже обстреленные, поэтому я полагал, что вскоре опять отправлюсь в родные места, на Украину.

Это было время после разгрома фашистов под Сталинградом, и положение на фронтах стало уже совершенно иным, чем в 1941-1942 годах. Вероятно, это обстоятельство и состояние здоровья после операции сказались на решении комиссии, демобилизовавшей меня с отсрочкой на полгода.

Возникла проблема – куда податься. Украина еще была оккупирована, а ближайшие институты находились в Иркутске. Посоветовавшись с ребятами, решил, что надо – в Иркутск. Ближе всего к профилю моего довоенного института был ИГМИ.

Прибыл в Иркутск я ранним утром в пасмурный день. Май был в разгаре, но шел мелкий дождь со снегом. Пошел вдоль узкоколейки по незнакомому городу. Вскоре добрался до моста. Вода в Ангаре казалась черной, загадочной. Тонкая английская шинель стала намокать. На правом берегу виднелись заповенные унылые дома с двориками и поленищами. Тротуар (если его можно так назвать) состоял из досок, под которыми хлюпала вода. Ботинок соскользнул с качающейся доски, и в него проникла влага. С Ангара поднялся сырой холодный ветерок. Стало еще неуютнее, настроение испортилось.

Наконец, ворота институтского двора. В проходной была пожилая словоохотливая женщина. Во дворе в беспорядке разбросано буровое оборудование, какие-то ящики, склады, а дальше – корпус института, в котором кроме него расположены контора «Золотопроductс» и транспортная организация. Как рассказывала вахтерша, студенты в «Золотопроductс» подрабатывают грузчиками, рассчитываются с ними натурой, то есть продуктами питания: пивом, водкой и различными талонами. Она в курсе всех дел: стипендия – 400 рублей, что равноценно одной булке хлеба; здесь столовая, где по талонам получают на первое суп или рассольник без мяса, на второе – кашу. Студенты часто пропускают занятия, так как нужно подрабатывать.

К восьми вахтерша открыла двери института, и я вошел в темный мрачный коридор. Остановился у двери с табличкой «Декан горного факультета». Секретарь не заставила себя долго ждать. Ее звали Александрия Васильевна Архангельская – молодая, скромно, но аккуратно одетая женщина. Особой разговорчивостью она не отличалась. Вслушала меня, предложила подождать декана, Аркадия Иннокентьевича Маркова.

Присел на расшатанный стул. В комнате прохладно, но теплее, чем на улице. Согрелся и не заметил, как задремал...

(Продолжение следует.)

**Почти невозможно
указать другую
национальность,
где бы сочувствие
друг к другу было
так велико
и деятельно,
как в еврействе.**

Лесков.

ПАМЯТЬ

Биографии бывают разные. У кого-то она может уместиться в пару строк, другому на перечисление дел жизни понадобится целая страница, а вот Борису Григорьевичу Басину, пожалуй, не хватит и тетради.

Его родители, Григорий Григорьевич и Елизавета Владимировна, вскоре после Бороного рождения (в 1934 году) переехали из города Тейково Ивановской области в крупный промышленный центр Сталино (теперь Донецк). Оба работали бухгалтерами. Ураган репрессий и огонь войны чудом миновал семью служащих, но внутри семьи родители не побоялись рассказать детям горькую правду о «счастливом» социалистическом строе, поэтому Борис вырос без присущих многим иллюзий. В то время он еще не шел против системы – она попросту раздавила бы...

После семилетки закончил горно-строительный техникум, а затем и вечернее отделение Донецкого политехнического института, получив специальность инженера-строителя. Еще в техникуме ударился в спорт: выступал за сборную города по баскетболу, за юношескую команду «Стахановца» (теперь это «Шахтер»), плюс к прочему стал кандидатом в мастера спорта по шахматам. В 1952-м заболел туберкулезом, в армию, разумеется, не взялся.

Работать начал в девятнадцать мастером-строителем на реконструкции завода имени 15-летия ЛКСМУ (комсомола Украины). Уже через два года был назначен прорабом, но в связи с учебой на вечернем отделении вуза перешел на должность чертежника в проектный институт. Пять лет посвятил строительному проектированию промышленных объектов, а потом больше тридцати лет был конструктором гражданско-общественных зданий. Вначале – тех-

ник, потом инженер-проектировщик, руководитель группы, бригады, с 1978-го – главный конструктор проектов, в 1982-м – начальник строительного отдела института «Ставропольский промышленный проект» (Пятигорск), зам. директора проектного института в Ессентуках. Ведущий конструктор и непосредственный исполнитель проектов реконструкции алюминиевого (в Сибири), химического (на Украине), цинкового (в Орджоникидзе, сейчас Владикавказ), пивоваренного (в Пятигорске), хлебопекарного (в Ессентуках) и других заводов.

А вот почему биография Бориса Басина по объему может быть вполне рассчитана на тетрадь... С его участием построено много жилых домов, в том числе уникальных по сложности, в Донецке и Донецкой области, в Кисловодске, Пятигорске и Ессентуках. Эти дома могут рассказывать историю страны и истории людей, которые в них живут. Они стоят ныне и будут стоять после нас, по-прежнему давая кров и радуя взгляд потомков.

В конце восьмидесятых Басин открыто начал выступать против прогнившей системы – даже тогда на такой шаг решались немногие. Состоял в руководстве кавминводского отделения партии «Демократическая Россия».

С выходом в 1992-м на пенсию трудовая вахта Бориса Басина не завершилась. Пригодилась спортивная квалификация. До позапрошлого года он работал тренером-преподавателем по шахматам в ессентукской школе олимпийского резерва «Вертикаль».

Супруга Светлана, с которой прожито столько добрых лет, по-прежнему видит в нем такого же молодого, активного Бориса, каким знала его раньше.

А просто на таких беспокойных, неравнодушных и держится мир...

На фото: со своим питомцем из шахматного клуба.

ОНИ ПОБЕДИЛИ ФАШИЗМ

В глубине леса мы соорудили шалаш с двумя выходами. Дни проводили в чащобе, ночью выходили на поле, собирали картошку. Иногда заходили ночью в село, заглядывали в окна. Если не видели мужчин, стучали и просили хлеба. Так прожили до конца сентября.

Однажды в лесу натолкнулись на вооруженного человека и стали убегать. Он закричал, что, мол, не немец, а пришел организовывать партизанский отряд. В шалаше рассказал нам, что оружия пока нет, но когда появится, он за нами придет. Уже в октябре я попал в партизанский отряд Сабурова, где мы воевали до прихода наших войск.

Я ушел в армию. Попал в пехоту – был командиром пулеметного расчета. Потом меня ранило. После госпиталя определили меня в артиллерию. С боями дошли до Берлина. Потом нас перебросили на японский фронт, но пока мы ехали на Дальний Восток, война закончилась.

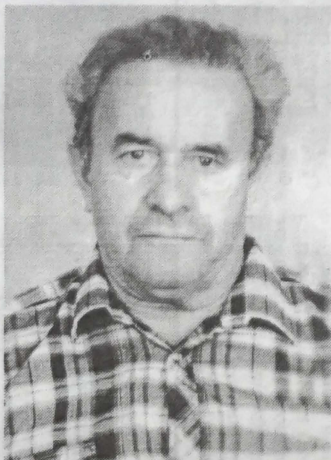
Лишь после войны я узнал, что мать, отца и сестер немцы расстреляли.

Поселился в Грозном, где сорок пять лет проработал в ремонтно-строительном управлении. С 1993-го – в Ессентуках.

Супруга Софья Владимировна – медик. Дочь Ирина живет в Туапсе, работает в Черноморском геологическом управлении. Растут два внука: Саша – студент, Виталик еще учится в школе.

Имею правительственные награды: два ордена Отечественной войны, две медали «За отвагу», медаль «За взятие Кенигсберга».

Александр Меерович ЛОПАТА.

Я ушел от расстрела